

АРТЕМ ЮРЬЕВИЧ КОРОТКИЙ

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
akorotkij46@gmail.com

ПОРЕВОЛЮЦИОННАЯ РУССКАЯ ВОЕННАЯ ЭМИГРАЦИЯ О ПРОБЛЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

А н н о т а ц и я . Рассматриваются взгляды русской военной эмиграции 1920–1930-х годов на проблему национальной консолидации в контексте Первой мировой войны и краха военных усилий Российской империи. Исследование выявляет альтернативную интерпретацию причин поражения России, отличную от канонических положений советской историографии, акцентировавшей внимание на социально-экономической отсталости и национальном угнетении. Особое внимание уделяется трактовке национальной дезинтеграции как ключевого фактора ослабления боеспособности армии, а также роли региональных самоидентификаций в подрыве единой национальной идентичности. На основе анализа мемуаров, публицистических и исследовательских работ А. И. Деникина, Н. Н. Головина, Ю. Н. Данилова и других представителей эмигрантского военного сообщества реконструируются представления о нереализованной модели «армии вооруженного народа», отсутствии в стране подлинного гражданского патриотизма и провале модернизационной политики царского режима. Автор выявляет глубокую семантическую и политическую дистанцию между белоэмигрантским и советским нарративами, указывая на либеральную направленность политических позиций офицеров-эмигрантов, зачастую предельно искаженную в официальной историографии СССР.

Ключевые слова: гражданская война в России, историография, Н. Н. Головин, Ю. Н. Данилов, А. И. Деникин, А. А. Керсновский

Для цитирования: Короткий А. Ю. Пореволюционная русская военная эмиграция о проблеме национальной консолидации в Первую мировую войну // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 8. С. 8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1244

ВВЕДЕНИЕ

В советской историографии долгое время доминировали оценки М. Н. Покровского относительно причин краха военных усилий России в годы Первой мировой войны. Его рассуждения привели к формированию идеи «гниения» царизма и его исторической обреченности [6: 13]. В многотомной «Истории гражданской войны в СССР», в частности, утверждалось: «Плохо вооруженная, руководимая бездарными генералами, обкрадываемая продажными интендантами, армия терпела поражение за поражением»¹. Следуя марксистской идее, определявшей экономический фактор как имевший детерминирующее значение в общественной системе, советские историки 1920–1930-х годов видели основные причины поражения страны в ее хозяйственно-экономической отсталости: вооруженные силы страны переживали «такую же разруху, как и все отрасли народного хозяйства»². При этом специфическим образом в советской

историографии рассматривался национальный аспект как причина краха военных усилий. В ней была сформирована концепция угнетения «великорусским» народом остальных этносов многонациональной империи, что уже в годы Гражданской войны (1918–1922) породило феномен сепаратизма на территории погибшей империи³.

При рассмотрении данного аспекта в годы Первой мировой войны и последующей Гражданской войны за основу была взята концепция В. И. Ленина, согласно которой «царская Россия» была названа «тюрьмой народов»⁴. Главным репрессивным механизмом этой «тюрьмы» была политика насильственной русификации, основанная на практиках жесткого подавления инородцев при помощи армии и государственного аппарата либо мягкой силы, связанной с распространением православия и русской школы⁵. Подобная ситуация приводила к ярко выраженной бинарной оппозиции, выстроенной на на-

циональной почве по принципу: великорусский, в значении привилегированный – инородческий, в значении неполноправный, угнетенный.

С точки зрения представителей советской историографии сталинского периода, являвшихся главными оппонентами эмигрантской историографии 1920–1930-х годов, данная репрессивная политика в годы «империалистической войны» привела к сильным сепаратистским устремлениям «в среде буржуазных националистических групп». Данное национально-освободительное движение подготавливало, в свою очередь, «успех революции» и, как следствие, превращение империалистической войны в гражданскую⁶.

Иные трактовки вопроса национальной консолидации как одной из причин крушения военных усилий страны давались в эмигрантской историографии того времени, в которой он рассматривался скорее как проблема утраты национальной консолидации. «Гордость от принадлежности к великому народу потеряна, особенно среди населения поволжских губерний: “Нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет, не дойдет и японец”»⁷, – писал генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты», характеризуя разложение российской армии в годы Первой мировой войны. Прославленный военачальник фактически констатировал упадок «русскости» как идеи в сознании многомиллионного народа под влиянием различных разлагающих тенденций. Его замечания на данный счет были не единственными. Многие русские генералы той войны отмечали наличие определенной точки невозврата в распаде единой национальной самоидентификации на множество региональных идентичностей. В отличие от советских авторов российские военные эмигранты смещали фокус внимания с угнетения одной нации другой на проблему великорусского национализма как такового. В тесной связи с этим аспектом находился вопрос о влиянии данного фактора на боеспособность Российской императорской армии в годы Первой мировой войны.

Предметом статьи являются оценки представителями военной эмиграции 1920–1930-х годов национальной консолидации и связанного с этим крушения организации и военных сил Российской империи в годы Первой мировой войны. В качестве основного источника используются исторические труды и воспоминания ряда видных российских военных эмигрантов того времени.

ГЛАВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В ЭМИГРАНТСКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В эмигрантской историографии авторами указывались различные причины поражения Рос-

сии в Первой мировой войне. Подчас они были связаны не столько с конкретными поражениями вооруженных сил, сколько с самой системой общественно-политического устройства страны. Видный представитель русского военного зарубежья Н. Н. Головин писал, что главной причиной конечного провала России в войне стала приверженность во всех областях государственной жизни России «к примитивным формам»⁸ управления и самого отношения к «современной сложной социальной жизни»⁹.

Схожего мнения, но с иначе расставленными акцентами придерживался Ю. Н. Данилов, генерал-квартирмейстер Ставки в 1914–1915 годах. Он осознавал недостаточность проведенных модернизационных процессов в стране перед войной. Их он рассматривал в основном через призму биографического подхода, в отличие от социолога Н. Н. Головина, рассуждавшего больше о крупных социальных группах. Например, весьма показательны характеристики Ю. Н. Даниловым Николая II как человека, демонстрировавшего своим поведением недостаток воли¹⁰, или императрицы Александры Федоровны, использовавшей этот недостаток в не самом верном направлении и воспринимавшей благо отечества «через призму их личного благополучия»¹¹. Малокомпетентными в работах бывшего царского генерала представлены и другие высокопоставленные лица: В. Б. Фредерикс, И. Л. Горемыкин, Б. В. Штюмер и др. Такие государственные деятели не могли устранить внутренних слабостей империи, осознать ошибочность своей политики, не считающейся с волей народных масс¹². Нарративы данных авторов объединяет общий либеральный подтекст, то есть они видели проблему в недостаточной отлаженности существовавшей общественной системы.

Иных воззрений придерживался А. А. Керсновский, считавший, что крах военных усилий произошел не столько из-за недостатка либерально-демократических преобразований в стране, а также сопутствовавшего им утверждения материализма и позитивизма в познании¹³, сколько из-за их переизбытка, приведшего в итоге к поражению и развалу страны¹⁴. Схожие мнения о главной причине поражения высказывал А. К. Баиов, утверждавший, что главную ответственность за поражение в войне следует возложить на «прогрессивные» интеллигентские круги, которые были попросту не заинтересованы в конечной победе империи¹⁵. Исторические реконструкции представленных авторов объединяет общий консервативный, местами переходящий в радикальный, подтекст рассуждений [1: 94].

Однако данные утверждения о главной причине либо причинах поражения России в войне заслоняют собой ряд весьма примечательных рассуждений военных эмигрантов о национальной консолидации, а именно – недостатке гражданского национального патриотизма у народных масс и самом его характере.

ОСОБЕННОСТЬ АРМИИ «ВООРУЖЕННОГО НАРОДА»: СВЯЗЬ С НАЦИОНАЛЬНЫМ СООБЩЕСТВОМ

Военные силы никогда не существовали как статичный институт и всегда меняли свой вид под влиянием самых разных факторов. К числу таковых можно отнести экономические, политические, социальные, этнические, а также эпистемологические. Под последним фактором я имею в виду влияние философии и науки, определявших само понимание «военного». Об этом следует сказать подробнее, чтобы уяснить, какая форма организации вооруженных сил служила ориентиром для большинства крупных стран начала XX века.

Основой формирования вооруженных сил в начале прошлого века была концепция «вооруженного народа», подробно сформулированная в трудах немецкого военного теоретика и реформатора Карла фон Клаузевица¹⁶. Однако проблема заключалась не в простом формулировании и оттачивании идеи, а в том, как перенести ее на почву государственной и общественной практики. Именно здесь крылось противоречие, заключающееся в противоположении формы государства армии. Эту ситуацию на примере Прусского королевства начала XIX века раскрыл немецкий историк В. Гёрлиц. Он подчеркивал, что социальные верхи Пруссии не желали введения такой системы комплектования вооруженных сил, которую лоббировали военные реформаторы. Причина крылась в том, что, основанная на концепции вооруженного народа, она полностью уничтожала дворянские сословные привилегии [4: 39]. Таким образом, новая система организации армии по вышеназванному принципу не могла быть реализована без повсеместной программы либеральных реформ во всех сферах жизни государства, начиная с ликвидации крепостнической системы и заканчивая введением всеобщего образования. Эти либеральные реформы и есть суть модернизации и, что важно, создания национального сообщества, которое в случае Германии было декларировано философом И. Г. Фихте¹⁷.

В конечном итоге создание армии вооруженного народа не следует рассматривать как замкнутую в себе реформу, она могла быть

осуществлена только в рамках более широкого реформирования, что и было сделано Г. Ф. фон Штейном и К. Ф. фон Гарденбергом. Как отмечал Т. Ниппердей, данные реформы – социально-политические и военная – были органично взаимосвязаны в зарождающемся современном государстве. Более того, прусская военная реформа послужила толчком для движений, выступавших за более тесную национальную интеграцию, то есть образование единого германского национального сообщества, а также демократизацию, так как всеобщая воинская повинность распределяла военную нагрузку поровну между всеми классами общества [7: 37].

РОССИЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО И АРМИЯ ПОСЛЕ РЕФОРМЫ 1874 ГОДА

Возвращаясь к русской военной эмиграции, следует прежде всего обозначить четкую связь, которую проводил между российским и немецким опытом реформирования вооруженных сил Н. Н. Головин. В частности, он подчеркивал, что военная реформа 1874 года выдвигала для России совершенно новую идею всенародной, то есть национальной, находившейся вне сословий и классов, государственной защиты¹⁸. Военный социолог отмечал, что строительство вооруженных сил на таком основании было прогрессивно. Но при этом закономерно возникал вопрос о том, как мотивировать граждан защищать свое отечество. Ключевое значение в этих рассуждениях военного деятеля играла «социальная справедливость» как аспект распределения военной нагрузки на коренное население России¹⁹. Данный фактор отмечал в своем исследовании, посвященном национальному строительству в России и роли военных в нем, и Дж. Сэнборн [8: 38]. С его точки зрения, подобные рассуждения были проявлением гражданского национального мышления [8: 39].

Мнение американского историка удивительно созвучно воззрениям Н. Н. Головина. Он считал, что рекрутская повинность, как способ комплектования армии времен феодализма²⁰, очень несправедлива, а это означало, что преобразование России «на новых социальных началах» должно было привести и к изменению способа комплектования вооруженных сил, то есть стать более справедливым. Конечным результатом реформ должна была стать армия вооруженного народа, состав которой укомплектован солдатом-гражданином²¹. Важность ремарки относительно вопроса социальной справедливости заключалась в том, что она понималась не в узком, обыденном смысле (достижение личной справедливости), а в коллективном плане

(для всего «социального организма»). Нетрудно осознать, что под таким социальным организмом Н. Н. Головин понимал нацию, состоящую из равных граждан.

В то же самое время российский военный закон о всеобщей воинской повинности 1874 года, по мнению военного, был «кустарен», то есть не отвечал искомому принципу «социальной справедливости»²². Ситуация была исправлена лишь перед началом войны, когда он стал более справедлив в плане выдачи льгот, а значит, и более национален, то есть способствовал политическому сплочению нации. Именно так эту позицию аргументировал и Дж. Сэнборн, правда, не ссылаясь на Н. Н. Головина [8: 26–30].

Встав на путь реформирования вооруженных сил после поражения в Крымской войне (1853–1856), Россия постепенно обрела армию, похожую на европейские образцы. Основным проводником реформ был военный министр граф Д. А. Милютин. В основе реформ лежала идея создания в стране системы всеобщего воинского призыва. Как признавал американский историк Б. Мэннинг, данная реформа позволила сделать «большой шаг в сторону превращения армии в проводника некоторых, пусть даже ограниченных, социальных изменений» [5: 41]. Что интересно, похожего взгляда на вооруженные силы, но с иначе расставленными приоритетами, придерживалась и советская историография. Так, Л. Г. Бескровным признавалось, что армия действительно испытывала на себе значительные изменения, становясь буржуазной по форме и содержанию. Однако советская историография не могла принять факт того, что реформирование армии как института способствовало развитию либеральных преобразований²³. Доминирующей оценкой вооруженных сил в советской историографии были взгляды В. И. Ленина, характеризовавшего их следующим образом:

«Постоянное войско везде и во всех странах служит не столько против внешнего, сколько против внутреннего врага. Постоянное войско повсюду стало орудием реакции, слугой капитала в борьбе против труда, палачом народной свободы»²⁴.

Армия в советской историографии понималась как реакционный институт, полностью подчиненный политике правящего класса.

Возвращаясь к реформам Д. А. Милютина, отмечу, что общий лейтмотив его реформ очень похож на прусский начала XIX века. Более того, русскому военному реформатору, так же как и прусским предшественникам, пришлось столкнуться с сопротивлением дворянства, поскольку сама идея «всеобщности» ломала много-

вековые устои бытия государства и сословных привилегий. Кроме того, произошли реформы и в других сферах военного дела: рационализация деятельности военного министерства, создание системы военных округов, модернизация вооружений. Таким образом, в общих чертах Российская империя получила армию, соответствовавшую своему времени. Проблема, однако, заключалась в том, что боеспособность этой армии, организованной по западноевропейским лекалам, была ниже, поскольку не были произведены необходимые либеральные реформы за пределами военного института²⁵.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И ЭРОЗИЯ ОБЩЕРОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: РЕГИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Генерал Ю. Н. Данилов писал о неспособности правительства изменить «уклад», направив все свои усилия на развитие человеческого потенциала:

«Грандиозный масштаб надвигавшейся войны и современные условия ведения таковой <...> не должны были оставлять сомнений в необходимости глубокой и притом заблаговременной перестройки всего внутреннего уклада русской жизни с тем, чтобы в необходимый момент явилась возможность вызвать полное напряжение всех народных сил и средств, без которых шансы на победу не могли быть значительными»²⁶.

Только через развитие человеческого потенциала можно было добиться напряжения сил, необходимого для победы в большой войне²⁷. Схожего мнения придерживался и военный социолог Н. Н. Головин:

«Правительство императора Николая II после революции 1905 года уже не верило в старые политические идеи и в то же время не хотело воспринимать новые. Эта двойственность политики придавала управлению государством характер безыдейности»²⁸.

Эти мнения двух офицеров являются свидетельством признания неспособности царского правительства проводить модернизационные реформы. Намечалось глубокое противоречие, когда по форме российская монархия стремилась быть похожей на западные социальные системы, но на деле этого не происходило, поддерживался старый баланс системы общественных отношений.

Ключевое значение в модернизационной практике того времени приобретало образование. Представители российского генералитета не отрицали этого факта. Особенно важное значение играло воспитание патриотизма, об «органическом» недостатке которого в русском народе

писал А. И. Деникин²⁹. Данным определением генерал подчеркивал, что патриотизм лишен природной, то есть органической, основы и не дается человеку от рождения. Это чувство приобретенное и связано, в понимании военных эмигрантов, с понятием «культурность». Последняя приобреталась только в процессе образования. Недостаток ее и, как следствие, патриотизма вел к регионализации общероссийской идентичности. Как отмечал Ю. Н. Данилов: «Крестьянство <...> рассуждало: “Мы вятские, тульские или пермские, до нас немец не дойдет...”»³⁰. Причиной подобных настроений, связанных с региональной самоидентификацией крестьянства, являлась

«умственная темнота населения, огромные расстояния, разобщенность, неудовлетворенность условиями внутренней жизни – все это не создавало благоприятной почвы для развития здорового национального чувства и сознательного отношения к идее защиты государства»³¹.

Данная цитата не оставляет сомнений в том, что генералы четко осознавали связь между организацией сильного национального сообщества, социальными условиями и военными усилиями страны. Более того, последнее полностью зависело от первых двух, а потому заботы правительства о единении национального сообщества через грамотную социально-экономическую и образовательную политику должны быть первостепенными. При этом недостаток патриотизма, в сущности, не претензия к русским крестьянам в рассуждениях генералов. Это упрек царскому правительству, которое перед войной мало заботилось о необходимом воспитании народа, не прививая должным образом ни патриотизма, ни культуры, а также понимания своей «русскости» собственному населению. О недостаточном внимании к данной сфере еще перед войной писали многие, например граф Н. С. Мусин-Пушкин, предлагавший Министерству народного просвещения изменить уклон учебных программ российских школ с учетом западноевропейских образцов, в которых преобладала национальная ориентированность [2: 21–22].

Таким образом, многими российскими военными эмигрантами фиксировался провал модернизационной политики в сфере образования, в частности в вопросе конструирования больших форм идентичностей. Носителями национального самосознания в этих условиях оставались лишь отдельные образованные культурные группы населения – офицерство и часть интеллигенции. Именно они, недовольные, чувствуя униженность своей национальной гордости, подняли в итоге флаг борьбы сначала с Временным пра-

вительством, а затем с большевиками. Эту мысль особенно четко фиксировал Н. Н. Головин. Он отмечал, что именно либеральные круги интеллигенции, к которым он причислял и офицерство, желали продолжения войны с внешним врагом, но этого совершенно не хотели народные массы³².

ЛИБЕРАЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

На основе представленных выше взглядов российских военных деятелей следует четко обозначить, что в России начала XX века сложилось глубокое противоречие. Оно заключалось в том, что государство, начиная с либеральных реформ Александра II, стремилось создать современную армию эпохи модерна, которая, по словам Дж. Сэнборна, отличалась массовостью, интегрированностью с населением и поддержанием интересов «народа» [8: 6–7]. В то же время власть всячески замедляла развитие самой государственной системы и национально-го строительства.

Н. Н. Головин рассматривал решение Николая II назначить себя Верховным главнокомандующим как символический акт. Им монарх замещал популярного в народе великого князя Николая Николаевича, утверждая тем самым принцип монархической традиции. По словам военного историка, «здесь мы видим одно из наиболее ярких проявлений того примитивного отношения к современной сложной социальной жизни, которое мы обнаруживали во всех областях государственной жизни России»³³. Таким образом, «монархическая традиция», с точки зрения военного социолога, была равна примитивной форме организации общественного устройства страны. Схожим образом, но еще более категорично, выражался Ю. Н. Данилов: «Трудно было, в самом деле, мириться с положением, при котором население... держалось в стороне от государственного управления, осуществлявшегося единолично царской властью»³⁴. Эти исключительно либеральные размышления русских офицеров – участников Белого движения никак не согласовывались с оценками офицерства в советской историографии как реакционной социальной категории, находившейся на службе у царского правительства³⁵. Данные рассуждения позволяют предположить, что офицеры-эмигранты стремились не просто изложить свои взгляды на проблему национальной консолидации и роль государства. В действительности их целью было противопоставить свою позицию критике советской историографии, которая изображала их противниками народных свобод,

стремящимися к реставрации монархических порядков.

Приведенная выше позиция – это позиция серьезнейших военных специалистов того времени и участников Белого движения, которую нельзя отрицать. Дискуссионным, однако, остается вопрос о репрезентативности их взглядов: разделяла ли эти идеи основная масса русского офицерства? Несмотря на возможные разночтения, нельзя отрицать установленный факт: определенная часть генералитета и высшего офицерства осознавала глубинный конфликт в отношениях между институтами имперской государственности, вооруженными силами и народом. Именно из этого противоречия, на наш взгляд, проистекала концептуализация того, что А. И. Деникин определял как «русскую демократию», включая в нее и «служилый элемент». Более того, бывший главнокомандующий ВСЮР был очень скрупулезным человеком, чтобы не указать, что изначальной причиной демократизации была «общеобязательная воинская повинность»³⁶. Данный тезис служил ему не только исторической констатацией, но и весомым контраргументом в полемике с левыми силами (включая большевиков), которые обвиняли офицерство в реакционности. А. И. Деникин, Ю. Н. Данилов, Н. Н. Головин и целый ряд других эмигрантов, рассуждая о национальном, доказывали, что их взгляды, а значит, и взгляды тех социальных групп и движений, которые они представляли, не имели ничего общего с воззрениями, которые им приписывали их политические оппоненты.

Вернемся к рассуждениям военачальников о национальном. При всей ярко обозначенной полемичности «Очерков русской смуты» А. И. Деникина он говорил о возможности российской армии продолжать сопротивление на фронте и даже одержать победу. Причина такой возможности заключалась не в техническом обеспечении войск, а в проявлении солдатами «долготерпения» – исконной черты русского народа, искупавшей «грехи верховной власти, правительства, народа»³⁷. Русский народ, в воззрениях генерала, был способен проявлять эту черту и сражаться, но все менялось, когда вместо единой идентичности, русской, появлялись идентичности региональные. В конечном итоге уже в годы Гражданской войны именно последние, выраженные в откровенной «самостийности»³⁸, оказались одним из определяющих факторов в поражении Белого движения на юге России, с точки зрения русского офицера-эмигранта³⁹. Уместно вспомнить, что Э. Геллнер, один из виднейших исследователей феномена национализма, писал, что национализм есть совпадение границ

политических и национальных [3: 23]. В рассматриваемом случае это означает совпадение границ Российской империи с границами русского народа, понимаемого белыми офицерами в триедином плане: великороссы, малороссы, белорусы. Нарушение этих границ, согласно ученому, вызывало негодование и желание дать отпор нарушителю. В ситуации Первой мировой войны Германия и Австро-Венгрия, захватив ряд территорий и продолжая свое наступление, достигнув в итоге Крыма, Тамани, Дона, Смоленщины и Пскова, пересекли линии границ. Это должно было привести к волне национального негодования и желанию дать отпор. Однако этого не произошло.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ наследия русской военной эмиграции показывает, что офицеры понимали причины крушения национальной идентичности в годы Первой мировой войны и степень влияния этого процесса на вооруженные силы и само государство. Главной причиной была недостаточная забота правительства о создании большой формы политической групповой идентичности – нации. Это проявлялось во множестве аспектов: социальная несправедливость военного законодательства, противоречивые подходы к модернизации государства, пробелы в области образовательной и культурной политики. Данные недостатки имели незначительное влияние на вооруженные силы страны в мирное время, но, когда потребовалась многократно большая мобилизация военнообязанных, в том числе и духовная, эти факторы оказали определяющее негативное воздействие на «армию вооруженного народа». Малоаметные в мирное время, эти латентные факторы были обнажены в 1917 году и в конечном счете предопределили трагический коллапс вооруженных сил.

Эмигрантами четко обозначалась также «примитивность» форм политического и социального устройства страны – свидетельство не проведенной до конца модернизации. Другим фактором стал «триумф» локальных идентичностей, утвердившийся после долгих лет военной борьбы вместо единой национальной идентичности, что являлось прямым следствием просчетов в национальном строительстве. Это открывает новый, малоисследованный пласт причин поражения России в Первой мировой войне. Более того, ставит вопрос о ядре Белого движения, об основном мотиве его борьбы как проявлении исключительного национального чувства в условиях нарушения военным противником всех политических и национальных границ, пассивности основной массы народонаселения и провальной

политики правительства. Еще одним важным выводом является то, что при характеристике национального и модернизационного аспектов военными-эмигрантами высказывалась их политическая позиция, которая в общих чертах была

либеральной, а не исключительно монархической и крепостнической, как на том настаивала советская историография. Данный факт можно считать актом противостояния двух историографических традиций – белоэмигрантской и советской.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ История гражданской войны в СССР. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1935. С. 34.
- ² Там же. С. 247.
- ³ Там же. С. 46–47.
- ⁴ Там же. С. 40.
- ⁵ Там же. С. 43.
- ⁶ Там же. С. 47–48.
- ⁷ Деникин А. И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль 1917 – сентябрь 1917. Мн.: Харвест, 2002. С. 251.
- ⁸ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж: Товарищество объедин. изд., 1939. С. 80.
- ⁹ Там же. С. 156–157.
- ¹⁰ Данилов Ю. Н. На пути к крушению: Очерки последнего периода Российской монархии. М.: XXI век – Согласие, 2000. С. 148.
- ¹¹ Там же. С. 159.
- ¹² Там же. С. 25.
- ¹³ Керсновский А. А. История Русской армии. Т. 4. М.: Голос, 1994. С. 113.
- ¹⁴ Там же. С. 7.
- ¹⁵ Баиов А. К. Вклад России в победу союзников. Таллин, 1924. С. 56–58.
- ¹⁶ Клаузевиц К. О войне. М.: Изд. корп. «Логос»: Междунар. изд. комп. «Наука», 1998. С. 249.
- ¹⁷ Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. М.: Канон+, 2008.
- ¹⁸ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж: Тов-во объединенных издателей, 1939. С. 10.
- ¹⁹ Там же. С. 11–12.
- ²⁰ В отличие от многих российских дореволюционных историков, отрицавших наличие феодализма в России, Н. Н. Головин признавал его, считая главным признаком феодальных отношений сословное деление и «высокие сословные перегородки».
- ²¹ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне... С. 10.
- ²² Там же. С. 16.
- ²³ Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 68.
- ²⁴ Ленин В. И. Войско и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1968. Т. 12. С. 113.
- ²⁵ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 55–57.
- ²⁶ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне: 1914–1915 гг. Берлин: Слово, 1924. С. 25–26.
- ²⁷ В своем исследовании феномена национал-большевизма Э. Бранденбергер показал, что большевики сумели преодолеть этот недостаток. Он пришел к выводу, что целью их пропагандистской политики была более эффективная мобилизация общества накануне крупной войны. Именно этот специфический мобилизационный курс, основанный на синтезе национальной и социалистической риторики, и отличал политику большевиков от практик царской власти [2: 2].
- ²⁸ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне... С. 23.
- ²⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 17.
- ³⁰ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 117.
- ³¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне... С. 26.
- ³² Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Ч. 1. Кн. 1. Париж: [б. и.], 1937. С. 74–75.
- ³³ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне... Т. 2. С. 156–157.
- ³⁴ Данилов Ю. Н. На пути к крушению... С. 59.
- ³⁵ История гражданской войны в СССР... Т. 1. С. 35.
- ³⁶ Деникин А. И. Очерки русской смуты... С. 10.
- ³⁷ Там же. С. 33.
- ³⁸ Этим особенно страдали «кубанцы», члены «черноморской» части этого войска.
- ³⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3. Вооруженные силы Юга России. М.: АЙРИС-пресс, 2015. С. 217–226.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашкеров А. Ю. Метаистория метаистории, или Декодирование Хейдена Уайта (Уайт Х. «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века») // Социологическое обозрение. 2002. № 1. С. 86–99.

2. Бранденбергер Д. Л. Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956 / Авториз. пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. СПб.: Изд-во ДНК, 2009. 415 с.
3. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 319 с.
4. Герлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура. 1657–1945 / Пер. с англ. С. В. Лисогорского. М.: ЗАО Центрополиграф, 2005. 478 с.
5. Меннинг Б. У. Пуля и штык. Армия Российской империи, 1861–1914 / Пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Модест Колеров, 2015. 424 с.
6. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.
7. Nipperdey T. Germany from Napoleon to Bismarck, 1800–1866 / Tr. by D. Nolan. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1996. 760 p.
8. Sanborn J. A. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2003. 278 p.

Поступила в редакцию 19.06.2025, принята к публикации 30.09.2025

Original article

Artyom Yu. Korotkiy, Postgraduate Student, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
akorotkiy46@gmail.com

RUSSIAN POST-REVOLUTIONARY MILITARY EMIGRES ON THE PROBLEM OF NATIONAL CONSOLIDATION DURING WORLD WAR I

Abstract. The article examines the views of Russian post-revolutionary military emigrants on the problem of national consolidation in the context of World War I and the collapse of the military efforts of the Russian Empire. The study reveals an alternative interpretation of the causes of Russia's defeat, which differs from the canonical provisions of Soviet historiography focusing on socio-economic backwardness and national oppression. Special attention is paid to the interpretation of national disintegration as a key factor in weakening the military's combat capability, as well as to the role of regional self-identities in undermining a unified national identity. Based on the analysis of memoirs, journalistic publications, and research works of A. I. Denikin, N. N. Golovin, Yu. N. Danilov and other representatives of the military emigrant community, the study reconstructs ideas regarding the unrealized model of the "army of the armed people", the absence of genuine civic patriotism in the country, and the failure of the modernization policy of the tsarist regime. The author reveals a deep semantic and political distance between the White emigrants' narrative and the official Soviet narrative, pointing to the liberal-democratic orientation of the political views of the emigrant officers, which was often extremely distorted in the official historiography of the USSR.

Key words: Russian Civil War, historiography, N. N. Golovin, Yu. N. Danilov, A. I. Denikin, A. A. Kersnovsky

For citation: Korotkiy, A. Yu. Russian post-revolutionary military emigres on the problem of national consolidation during World War I. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(8):8–15. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1244

REFERENCES

1. Ashkerov, A. Yu. Metahistory of metahistory, or Decoding of Hayden White. *Sociological Review*. 2002;1:86–99. (In Russ.).
2. Brandenberger, D. L. National Bolshevism: Stalinist mass culture and the formation of Russian national identity, 1931–1956. St. Petersburg, 2009. 415 p. (In Russ.)
3. Gellner, E. Nations and nationalism. (I. I. Krupnik, Ed.). Moscow, 1991. 319 p. (In Russ.)
4. Görlitz, V. The German General Staff. History and structure, 1657–1945. Moscow, 2005. 478 p. (In Russ.)
5. Menning, B. W. Bullets and bayonets. The Imperial Russian Army, 1861–1914. Moscow, 2015. 424 p. (In Russ.)
6. Russia during World War I: economic situation, social processes, and political crisis. (Yu. A. Petrov, Ed.). Moscow, 2014. 982 p. (In Russ.)
7. Nipperdey, T. Germany from Napoleon to Bismarck, 1800–1866. Princeton, 1996. 760 p.
8. Sanborn, J. A. Drafting the Russian nation: Military conscription, total war, and mass politics, 1905–1925. DeKalb, 2003. 278 p.

Received: 19 June 2025; accepted: 30 September 2025